

Христос – событие, происходящее со мной сейчас

Хулиан Каррон

Презентация книги Луиджи Джуссани
«У истоков христианского притязания»

Милан, 25 января 2012 г.

Приветствую каждого из вас, в особенности представителей гражданской и церковной власти, присутствующих в этом зале, а также всех друзей, собравшихся здесь и присоединившихся к нам по спутниковой связи в других городах. Благодарю директоров издательства *Rizzoli* Паоло Дзанинони и Оттавио ди Брицци.

Наша сегодняшняя встреча – продолжение работы, предлагаемой Школой общины. Завершив чтение «Религиозного чувства», в этом году мы примемся за книгу «У истоков христианского притязания» – второй из трех томов «Пути», проложенного отцом Джуссани.

«Пришел Человек – молодой Человек, родившийся в известном месте, в определенной географической точке мира – Назарете. Тот, кто путешествует по Святой Земле, доезжает до этого селения и попадает в полутемный захолустный домишко, где на плите высечена надпись *Verbum hic caro factum est* («Тайна Бога здесь стала плотью»), не может избежать невольного трепета во всем теле» (*L. Giussani, «Il divino incarnato», in Spirto gentil. Un invito all'ascolto della grande musica guidati da Luigi Giussani, Bur, Milano 2011, pp. 54–55*).

Ария *Et incarnatus est* из Большой мессы Моцарта – «самое сильное и убедительное, самое простое и великое выражение человека, признающего Христа. Спасение – в Его присутствии, которое есть источник радости и привязанности католического сердца Моцарта, его сердца, любящего Иисуса» (*Там же*).

Отец Джуссани говорит, что *Et incarnatus est* – это «пение в чистом виде, когда весь человеческий порыв растворяется в изначальной ясности, в абсолютной чистоте взгляда, который видит и признает. *Et incarnatus est* – одновременно созерцание и моление, поток мира и радости, рождающийся от изумления сердца, предстоящего перед событием свершения его ожидания, перед чудом исполнения его мольбы. <...>

Если бы мы с простотой и глубиной, присущей Моцарту, могли созерцать, как началась в мире история милосердия и прощения, и припадать к источнику, которым является “да” Марии!

Прекрасная ария помогает нам настроиться на благодарное молчание, от которого в нашем сердце может родиться, распусться цветок этого “да”. <...> То же переживала и Богородица, молодая назаретянка, когда смотрела на Младенца, вышедшего из ее чрева: бесконечное отношение заполняло ее сердце и время.

Если бы религиозность музыки Моцарта – гениальность, дарованная Духом, – в полноте излилась в наши сердца, наша жизнь, при всех ее беспокойствах, противоречиях и трудностях, была бы столь же прекрасной, как его музыка» (*Там же*).

С чего мы можем начать нашу встречу, как не с прослушивания этой арии в духе созерцания и просьбы?

Et incarnatus est*

**Et incarnatus est de Spiritu Sancto ex Maria Virgine, et homo factus est* («И воплотился от Духа Святого и Марии Девы, и стал Человеком»).

Вряд ли найдется произведение искусства, в котором лучше, чем в *Et incarnatus est*, выражено то, о чем Элиот говорит: «Миг времени и во времени, миг не из времени, этим миготом сотворено время то, что зовут историей: ибо без смысла нет времени, а этот миг времени и придал ему смысл» (Т. С. Элиот. *Камень*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 137).

В описанном здесь событии – Боговоплощении – заключен весь трепет Бога о человеке, полный нежности, и невозможно удержаться, чтобы вслед за псалмопевцем не воскликнуть: «Что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?» (Пс 8, 5). Ничто: былинка, уносимая первым порывом ветра. Но Ты стал Человеком ради каждого из нас. Любой, кто хоть на мгновение станет простым и впустит в свою жизнь христианскую весть, не избежит того же трепетания, которое ощутила в себе Елисавета в момент посещения Марией, имевшей во чреве Иисуса. «Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее» (Лк 1, 41).

Сейчас то же самое происходит с нами. Нам – бедным людям – сегодня возвещается Бог, ставший плотью. Мы уже не один на один с нашим ничтожеством. Во времена всеобщей потерянности, когда многие идут словно наощупь в темноте, нам дается благодать этой вести. Кто не желал бы переживать каждое мгновение с подобным волнением, порожденным Его присутствием и не имеющим себе равных?

Неужели такое действительно возможно?

1. Вызов сегодняшнему человеку

«Можно ли верить, быв цивилизованным, т. е. европейцем? – т. е. верить безусловно в божественность Сына Божия Иисуса Христа?» (Ф. М. Достоевский. *Полное собрание сочинений в 30-и тт. Т. 11: «Бесы». Глава «У Тихона». Рукописные редакции*. Л.: Наука, 1974. С. 178). В проблеме, сформулированной Достоевским, звучит вызов, перед которым находится сегодня вера. Это не вызов *вообще*, здесь не ставится под сомнение возможность веры во Христа как таковой. Решающую роль в вопросе играет отнесенность к вполне определенному контексту: современной эпохе. А его адресат – конкретный тип человека. Это просвещенная личность, не чуждающаяся использовать разум со всей его силой, потребностью в свободе и способностью к привязанности. Человек, который ни на йоту не отказывается от собственной человечности. У него за плечами – культурное наследие, накладывающее отпечаток на его мировоззрение; действия его определяются всепроникающим рационализмом, доверием к научному методу и подозрением в отношении всего, что не подчиняется разуму как мере вещей. Реально ли человеку, обладающему перечисленными характеристиками, верить в то, что сказал о Себе Христос?

Другими словами, имеет ли вера возможность укорениться в людях нашего времени, то есть поразить их, привлечь и убедить?

Поставленный вопрос касается не только тех, кто еще не знает Христа, но относится и к нам. Отец Джуссани в 1982 году напоминал, что даже через много лет после того, как мы встретили Христа, Он остается далеким от нашего сердца. «Вы повзрослели: вы обрели профессиональные навыки, но, вероятно, существует словно некая отдаленность от Христа (по сравнению с чувствами многолетней давности, особенно испытанными в определенных обстоятельствах). Существует некая отдаленность от Христа, исчезающая лишь в отдельные моменты. Хочу сказать: между вами и Христом существует отдаленность, за исключением тех случаев, когда вы молитесь или когда, предположим, совершаете какие-то дела во имя Его, ради Церкви или от лица Движения. Христос будто бы далек от сердца. Можно вместе с Джузеппе Джусти, поэтом Рисорджименто, сказать: наше сердце, “занятое совсем иными делами”, словно изолировано, а точнее – Христос оказывается словно изолированным от сердца, не считая отдельных случаев (таких как молитва или выполнение дел, за которые ты несешь ответственность, – например, проведение общих собраний, Школы общины и т. д.).

Эта отдаленность Христа от сердца, исчезающая лишь в некоторые моменты, когда действует Его присутствие, порождает еще одну отдаленность, которая проявляется как неудобство между нами, обоюдное неудобство – я говорю сейчас даже об отношениях мужа и жены. Из-за отсутствия познания Христа (познания в библейском смысле: как близости, взаимопонимания, сообразования, присутствия в сердце), из-за отдаленности Христа от сердца высшее проявление сердца одного человека отдаляется от высшего проявления сердца другого человека, и между двумя людьми остаются только формы совместной занятости (домашнее хозяйство, воспитание детей и т. д.). Отношения существуют – несомненно, взаимоотношения существуют! – но только в тех делах и заботах, где ваша ответственность пересекается. Однако, когда вы сталкиваетесь друг с другом в исполнении общих обязанностей, эта отдаленность слегка – в большей или меньшей степени – сужает горизонт вашего взгляда или вашего ощущения» (*Л. Джуссани. Близость в отношениях со Христом. След. 2007. № 2*).

О том, что опасение отца Джуссани продолжает оставаться актуальным, говорил недавно наш друг: «В последнее время после некоторых встреч с общиной и с отдельными людьми я заметил следующее: “положительность реальности”, начиная с Дня начала года, была, по сути, красной нитью всей дальнейшей работы и подтвердилась документом о кризисе, содержащим суждение о ситуации, в которой мы живем. Но есть риск: утверждение “реальность положительна” может оставаться пустым звуком, и не потому, что мы не понимаем этих слов, – просто они не наполняются жизненной уверенностью. Иногда мне кажется, будто нам чего-то не хватает: своим напускным бесстрашием мы словно пытаемся противостоять безнадежной трагичности существования. Перед лицом реальности как она есть мы [часто] не уверены в пути, по которому идем. Мы согласны с суждением, поняли его, но не убеждены, не скреплены узами привязанности с истиной нашей жизни». Достаточно понаблюдать за реакциями многих из нас на фразу о положительности реальности, чтобы убедиться в правомерности этого утверждения.

Все мы знаем: необходим долгий путь, чтобы преодолеть отдаленность между нами и событием присутствия Христа, которую мы сами же и поддерживаем. Поэтому поднятый

вопрос предстает перед нами во всей своей драматичности: имеет ли вера реальную возможность победить эту отдаленность и укорениться в нас?

В одном из выступлений 1996 года тогда еще кардинал Йозеф Ратцингер отвечал, что вера может надеяться на победу, поскольку «обретает соответствие в природе человека. <...> В человеке есть неугасимая тоска по бесконечности» (*J. Ratzinger. Fede, Verità, Tolleranza. Cantagalli, Siena 2003, p. 143*). В то же время его слова выражают необходимое условие: христианство должно встретиться с человечностью, пульсирующей в каждом из нас, чтобы в полноте проявить свою силу, свою истину.

Представляемая сегодня книга – попытка объяснить эту позицию и ответить на неустранимую потребность в разумности.

Отец Джуссани подходит к поставленному вопросу уже в предисловии к тому «У истоков христианского притязания»: «Эта книга... представляет собой попытку определить источник веры апостолов. Здесь я хотел показать причину, по которой человек может верить Христу: глубокое соответствие, разумное и человеческое, между его потребностями и событием человека Иисуса из Назарета. Таким образом я попытался сделать очевидной разумность, с которой мы привязываемся ко Христу и, следовательно, ведомы опытом встречи с Его человеческой природой к великому вопросу о Его божественности. Развитию ума и расширению его горизонтов способствует не абстрактное рассуждение, а выявление в человеке момента истины, достигнутой и изреченной. Это кардинальный переворот метода, знаменующий переход от религиозного чувства к вере: это уже не поиск, полный загадок, но неожиданное событие, произошедшее в истории людей» (*Л. Джуссани. У истоков христианского притязания. М.: Христианская Россия, 2010. С. 6*).

Чтобы ощутить новизну этой установки, нужно ясно осознать: не абстрактное рассуждение расширяет горизонты разума, позволяя ему признать Христа, а соответствие между человеком и Христом, которое выявляется в реальной исторической встрече – в настоящем; этим соответствием определяется разумность самой веры. Именно поэтому путь веры прост. Достаточно, чтобы с тобой произошла одна встреча, в которой ты переживешь соответствие. Когда же встреча не происходит – из-за сведения христианства к словам, учению или морали с одной стороны, и из-за суженного восприятия собственной человечности с другой, человек и Христос оказываются в совершенно параллельных друг другу плоскостях и между ними пролегает полоса глубокого отчуждения (так происходит с Нового времени и по сей день), отдаленность.

Замечание отца Джуссани предостерегает от самого большого риска, который грозит нам при начале работы над Школой общины в этом году. В чем он состоит? Большинству из нас книга «У истоков христианского притязания» хорошо знакома, и искушение отнести к ней как к чему-то уже известному сильно как никогда. Но, поступая так, мы вновь рискуем свести христианство к *доктрине*. Зачастую мы ожидаем, что новизна проявится как нечто необычное: когда мы будем делать или читать вещи, отличающиеся от привычных. Новизна же заключается не в отличии (нечто другое: работа, муж или жена), а в реализации нашего желания. Не существует события более великого, нежели то, в котором мы встречаем соответствие потребностям нашего сердца. И только при условии, что это событие происходит вновь, оно способно победить отдаленность Христа от сердца.

Если событие Христа не происходит вновь, тогда, чем дальше, тем больше в нас одерживает верх «двусмысленность взросления», о которой говорит Джуссани:

«Действительно, то, что мы получили, откладывается в нас и даже приносит плоды, но сердце, именно сердце, в буквальном смысле слова <...> словно чувствует себя неловко со Христом, словно не продолжается та близость, которую мы ощутили когда-то – пусть даже с присущей возрасту сентиментальностью. Существует некое смущение – Его отдаленность, Его неприсутствие, Его бытие, не определяющее сердце. В действиях не так: здесь Христос еще может что-то определять (мы ходим в церковь, «делаем» Движение, возможно, даже читаем молитву перед сном, проводим Школу общины, занимаемся делами милосердия, организуем то тут, то там группы, бросаемся, кидаемся с головой даже в политику). В делах Он есть: в делах, и даже во многих делах, Он может быть определяющим фактором, а в сердце? В сердце нет!» (Л. Джуссани. *Близость в отношениях со Христом. След 2007. № 2*)

Следовательно, вопрос в следующем: благодаря чему признание соответствия Христа человеческому сердцу становится как можно более прозрачным, то есть осуществляется христианский опыт?

2. Осознание себя, исполненное нежности и трепета

Отец Джуссани прекрасно понимает, какие условия необходимы для того, чтобы соответствие произошло, и об этом свидетельствует уже первый параграф книги, в которой мы находим всю гениальность его методологической установки. «Невозможно полностью осознать значение Иисуса Христа, если мы прежде не осознаем природу того динамизма, который делает человека человеком. Ведь Христос приходит как ответ на то, чем является “я”, и только осознание себя, исполненное внимания, нежности и трепета, может распахнуть и расположить меня к признанию Христа, восхищению Им, благодарению и жизни в Нем. Без этого осознания [осознания того, чем я являюсь] даже имя Иисуса Христа становится лишь словом» (*У истоков христианского притязания. С. 7*).

Следовательно, для осознания того, что значит в нашей жизни Иисус Христос, необходимо, чтобы каждый из нас предстал перед Ним во всей своей человечности. Без человечности, как и без внимательного, нежного и трепетного осознания себя я не смогу признать Христа. Причина очень проста: Христос предлагает Себя как ответ на то, чем я являюсь; но если этого самосознания нет во мне, имя Иисуса Христа в конце концов может остаться пустым звуком.

Вряд ли найдется такая система ценностей, где личность человека занимает более высокую ступень, чем в христианстве. У Христа нет намерения проникнуть в жизнь человека незаметно, словно пользуясь его рассеянностью. Он желает войти в человеческую жизнь с главного входа, через его человечность, полностью осознанную человечность – слияние разума и свободы. Христос позволяет проверить Себя при помощи врожденного человеческого критерия: сердца. Без этой проверки христианский опыт невозможен, и у христианства не было бы никаких шансов на успех, ведь, как говорит американский теолог Рейнхольд Нибур, «нет ничего более неправдоподобного, чем ответ на не заданный вопрос» (*R. Niebuhr, Il destino e la storia, Bur, Milano 1999, p. 66*).

Если у человека есть изначальная структура, необходимая для признания Христа, в чем же трудность? По какой причине это признание становится проблематичным? Вопрос в том, что наша изначальная структура зачастую оказывается скрыта под наслоениями общественно-исторических веяний, сужающих наши изначальные

потребности. Если человек не пробуждается от оцепенения, не освобождается от своей меры, от искаженной и урезанной версии собственных потребностей, диктуемой ему контекстом, он будет встречать различной силы препятствия и даже преграды, мешающие открывать соответствие, которое позволяет признавать Христа.

Мы можем признать это умаление и в нас – по тому замешательству, которое испытываем, встречаясь с «десятым прокаженным» (Ср. *Лк 17, 12*) или с реакцией Христа на ликование учеников, довольных своей «миссионерской успешностью» (Ср. *Лк 10, 17–20*). Как и другие девять прокаженных, мы довольствуемся исцелением; как ученики – успехом. Мы не ощущаем потребности в чем-то ином. И сердце остается далеким от Христа.

Такова ситуация человеческого существования – плод в том числе и исторического развития. Христианство, сведенное к дискурсу или даже к этике, не в состоянии на сложившуюся ситуацию повлиять. Но таким образом современность предлагает христианству грандиозную возможность: понять, что ни одна из урезанных версий христианства не в состоянии ответить на острую потребность человека наших дней. Для того чтобы признать ценность личности, обладающей великой нравственностью и религиозностью, нам необходима живая «человеческая гениальность», то есть «исходная открытость души; <...> изначальная позиция расположенности и зависимости, а не самодостаточности» (Ср. *У истоков христианского притязания. С. 107*).

Только христианство, предлагающее себя в своей изначальной природе – как событие в истории, способно пробудить человечность и позволить ей признать происходящий факт, прокалывая струнья, которыми она постоянно обростает.